

Яростный ветер поднимал столбы пыли и дыма на поле боя, а мириады лошадиных копыт топтали плоть и кровь бесчисленных воинов.

Бойня!

Безбрежная пустыня была погребена под запекшейся кровью, а крепостные стены вырощены из белых костей.

У подножия горы Байланшань грохотали боевые барабаны.

Крики убивающих!

Они оглушали!

Десятки тысяч кавалеристов в мгновение ока окрасили горы Байланшань в кровавый цвет.

Среди хаотичного сражения шаньюй Тадунь взмахивал кривой саблей: — Убить!

Убить!

Всего одно слово!

Ухуани не могут отступить!

Он — ван Ухуаней! Ухуани не могут отступить! И он тем более не может!

— Ухуанский ван! Вон там!

Это же ухуанский ван!

Один всадник прорвался сквозь ряды беспорядочного войска, его длинная алебарда была обагрена кровью, а острие — издалека указывало прямо на него.

Мгновение!

Оружие столкнулось, Тадунь поднял саблю для защиты.

Раздался звонкий удар, сабля вылетела из рук, и в один приём нападавший разрубил его искривленный клинок наотмашь. Скорость алебарды не уменьшилась: нападавший использовал

инерцию рывка, резко вывернул запястье — и со звуком «пх» лезвие пробило доспех, одним ударом сбросив Тадуня с лошади.

Следом последовал второй удар копьем, оборвавший жизнь!

Чжан Ляо поднял на острие копья тело Тадуня и взревел: — Шаньюй мертв!

Гулкие крики в одно мгновение пронеслись по всему полю боя. Вопли ужаса и крики ликования смешались воедино, неизменными оставались лишь клинки, вонзающиеся в плоть, потоки крови и треск ломающихся костей.

Армия Цао отличалась свирепой доблестью: двигаясь всю дорогу на север, они повергли ухуаней в такой ужас, что те обратились в полное бегство.

После взятия горы Байланшань город Лючэн был уже совсем близко.

А в сотне ли оттуда, в области Ичжоу...

Чьи это торопливые шаги раздавались за дверью, не оставляя времени даже постучать?

— Господин! Господин! Господин одержал победу! Мы взяли Лючэн. Господин скоро с триумфом вернется! Господин!

Мертвенно-бледное лицо, кровь на губах почти полностью увяла; некогда изящный, сейчас он казался исхудавшим до предела, состоящим из одних лишь костей.

Он всё еще помнил: когда Бинчжоу был только что усмирен, все полководцы советовали Цао Цао триумфально вернуть войска в столицу. Юань Си и Юань Шан были повержены, и если бы в этот момент они двинули войска на запад, что, если бы Лю Бяо воспользовался случаем и напал на Сюйду...

Как тогда поступить?

Перед его глазами расплывался силуэт маленького слуги, который в панике звал его: — Господин, господин скоро возвращается.

Господин верил ему, верил его словам, сказанным вопреки общему мнению.

Он говорил, что жители пустыни полагаются на удаленность своих границ и наверняка не держат оборону; если воспользоваться их неподготовленностью и внезапно обрушиться на них, их непременно удастся сокрушить.

Он говорил, что Юань Шао оказал ухуаням милость, а братья Юань Шан и Юань Си всё ещё живы, поэтому их нельзя не истребить.

Он говорил, что Лю Бяо прекрасно понимает, что не сможет обуздать Лю Бэя, а потому не осмелится доверить ему важный пост, но если он не станет возлагать на него больших надежд, то какая вообще польза от этого Лю Бэя?

Он говорил, что хотя они и предпринимают далекий поход с опустошением казны, господин может не тревожиться.

Тогда Цао Цао во главе трех армий выступил в дальний поход против ухуаней.

Дорога через пустыню была бесконечна и трудна для людей и коней. И без того слабому здоровьем, ему пришлось плестись за основной армией до самой Ичжоу в таком туманном и тяжелом состоянии, что он уже не мог высидеть в повозке.

Цао Цао собирался повернуть войска назад. Но он решительно воспротивился: — Ваш слуга преисполнен глубочайшей благодарности за великую милость префекта, и даже смерть не позволит мне отплатить хотя бы за малую её часть.

В седьмом лунном месяце двенадцатого года Цзяньань Цао Цао вновь последовал его совету: оставив тяжелый обоз, он во главе легкого отряда совершил тысячелильный стремительный бросок.

Наконец...

За окном косо заходило солнце, и в тот момент, когда внезапно поднялся осенний ветер, он сорвал с ветки самый первый осенний лист этого года.

— Господин!

В конце концов он так и не дождался триумфального возвращения Цао Цао. В канцелярии становилось всё холоднее — настолько холодно, что у него не оставалось мужества даже бросить еще один взгляд вокруг.

Его тело то бросало в жар, то окутывало холодом, что до боли напоминало его последние мгновения перед смертью: внутренности будто горели на медленном огне, а каждый сустав и косточка кричали от невыносимой боли. Неужели в прошлый раз он умер не до конца? И теперь всё должно повториться сначала?

Нет! Не может быть!

Он собственными глазами видел, как его гроб предавали земле, и собственными глазами видел последовавший за тем годом пожар у Красных Скал.

Из-за поражения в той битве Цао Цао отступил на север, а Лю Бяо благодаря победе в ней закрепился на юго-западе.

С тех пор установилось разделение на три царства вместе с Сунь У из Цзяндуна.

Он отчасти ненавидел себя за то, что не смог присутствовать в этой грандиозной битве века. Будь он жив, остался ли бы исход сражения прежним и изменилась ли бы из-за него сама история?

Лишь когда он увидел возвышение рода Сыма, до него внезапно дошло: все они — лишь мазки туши на бесконечных свитках истории, и потомкам от них достается лишь горстка имен.

В детстве он читал строки: благородный муж страшится кануть в лету так, чтобы его имя не было упомянуто.

И потому он сражался ради имени, поднявшись на вершину этой эпохи и взирая на Поднебесную с высоты, но в конце концов его душа по-прежнему дрожала от холода. Исторические хроники не могли согреть, а кисть с тушью были не в силах передать хоть одно слово о подлинных чувствах.

Пронзающая всё тело боль, словно тысячи растерзанных стальных игл, глубоко вонзалась в самый костный мозг. Быть может, именно тот пожар у Красных Скал едва не обратил в пепел саму его душу?

Никто не мог разглядеть этот оставшийся клочок его души, пришедший из Ичжоу и скитавшийся по эпохе Трех царств. Однако в тот миг, когда он действительно уверовал, что вот-вот сгорит дотла в пламени того пожара,

некто ворвался из расщелившегося пространства с серебряным копьём в руках и в белых доспехах, словно сошедший с облаков небесный генерал. Взмах тени копья внезапно вырвал его остаточную душу из огня, хотя он прекрасно понимал: спасал тот человек вовсе не его.

Но после того сражения этот силуэт то и дело являлся ему во сне. Возможно, в тот миг его душа впитала дыхание этого человека, растворилась в трех духовных началах и слилась с семью душами-почвами, после чего изгнать этот образ стало уже невозможно.

После той битвы он знал, что этот его уцелевший след слабеет день ото дня — яростное пламя и впрямь выжигало его духовную силу.

Кто-то когда-то говорил, что он — воплощение Зеркала Куньлунь.

А в этой жизни?

Перерождение.

Останется ли он всё тем же блистательным и несравненным...

«Демоническим умом» Го Цзя?

— Кхе-кхе...

Серия резких кашлей вырвала его из сна. В отуманенной голове переплелись бывшее и нынешнее, смешавшись до такой степени, что он едва мог разобрать, происходит ли всё это наяву или он по-прежнему бредит в том давнем сне.

Повозка тряслась, продолжая свой ухабистый путь. Ему казалось, что если он полежит еще немного, то его желудок и вовсе вывернет наружу. Он постучал по стенке повозки, и та медленно остановилась. Занавеска приподнялась, и внутрь заглянула чья-то голова.

— Господин, вы проснулись? — детское лицо с круглыми черными глазами уставилось на него, не моргая. — Господин, отец говорит, что при нашем нынешнем темпе мы сможем добраться до уезда Чжэньдин уже завтра.

— Угу, — отозвался он и закутался в одеяло еще плотнее. Он собирался было выйти из повозки и пройти пешком, но этот мальчишка, заглянув внутрь, впустил порыв ледяного ветра, от которого его невольно забила дрожь.

— Господин, отец говорит, что впереди недалеко есть заброшенная усадьба, сегодня мы заночуем там. Господин, может, вы отдохнете еще немного, а как приедем, я снова вас позову?

Он снова лег в повозку, преодолевая непрекращающиеся спазмы в желудке, и заставил себя закрыть глаза, стараясь не обращать внимания на телесные муки.

В тот день, когда он очнулся в военном лагере Юань Шао, он окончательно убедился, что действительно вернулся в прошлое, или же история повернула вспять, и единственным, кто не изменился, остался он, Го Фэнсяо.

Го Цзя помнил, как в прошлой жизни он провел в лагере Юань Шао тридцать три дня. Тогда он сказал Го Ту: «Господин Юань жаждет выказать уважение мужам из низов подобно Чжоу-гуну, но совершенно не ведает, как правильно использовать людей. Он берется за многое, но не видит главного, мастак строить планы, но не способен принимать решения. Разве с таким можно добиться великого успеха в Поднебесной и установить гегемонию истинного вана? Тяжело это!» После чего он нашел предлог, чтобы уйти, и с того дня погрузился в шестилетний период праздности.

Го Цзя свернулся калачиком, то и дело легко покашливая. В прошлой жизни он жаждал найти мудрого правителя и установить гегемонию в Поднебесной, однако воля неба шла вразрез с его желаниями: эпоха Трех царств еще не успела толком определиться, а он уже преждевременно сошел с этой арены борьбы за власть.

И сколько бы Господин Цао ни рыдал над ним, сокрушаясь, скорбя и жалея!

Всё лишь потому, что будь он рядом, Господин Цао не потерпел бы столь сокрушительного поражения у Красных Скал.

Будучи стратегом, удостоиться столь высокого доверия со стороны господина — окажись на его месте прошлый Го Цзя, он бы непременно преисполнился благодарности за оказанную честь и служил верой и правдой до последнего дыхания.

Однако в этой жизни он уже познал все превратности судьбы. Какой толк от новых высоких титулов и какой прок в бессмертной славе в исторических анналах? Тем более что славу эту он уже стяжал в прошлой жизни, а щедрым жалованьем наслаждался добрую половину отпущенного срока.

Сколько бы Господин Цао ни сокрушался о нем, в конце концов он делал это лишь ради собственных великих замыслов и амбиций. Каким бы огромным ни был дворец, восседать на троне в его вершине всегда суждено лишь одному человеку.

— Фэнсяо хочет уйти? — слова господина Юаня ничем не отличались от тех, что были в прошлой жизни.

Он ответил: — Плотская оболочка Цзя хрупка и немощна, к тому же я подхватил простуду. Ныне же, когда господин занят походом и подготовкой к сражениям, разве гоже мне из-за одного лишь Цзя задерживать военные дела? Покорнейше прошу господина милостиво разрешить мне вернуться для лечения. Кхе-кхе-кхе.

В прошлой жизни он был слишком утомлен — и телом, и душой.

В этой жизни он больше не будет спасать бедствующую Поднебесную и строить планы гегемонии. Он желает лишь спокойной и простой жизни... желает остаться простым простолюдином.

Те несколько кашлей не были притворством — он и вправду подхватил простуду и уже успел заметить, что тело в этой жизни было куда слабее прежнего. По крайней мере, в прошлой жизни, поступая на службу к Юань Шао, он был полон юношеского задора и отличался отменным здоровьем, а не так, как сейчас, когда любой сквозняк немедленно проникал внутрь.

Ему с трудом удалось погрузиться в глубокий сон, как его снова разбудил Сюй Лу. Стоило

только опуститься на землю после выхода из повозки, как Го Цзя почувствовал: его ноги стали настолько ватными, будто принадлежали вовсе не ему, а щеки горели огнем.

Следуя за остальными внутрь усадьбы, он подумал, что отец Сюй Лу, должно быть, успел немного прибраться здесь. Тот окликнул его: — Господин, здесь почище, пройдите сюда.

Их разношерстная ватага в полном составе уселась в переднем зале усадьбы. Хотя дом был большим, за исключением тех, кто отправился на поиски хвороста для разведения костра, никто и не помышлял о мягкой постели или теплых подушках. Учитывая царившую на дороге кровавую резню, они всё же считали, что шансов выжить у них больше, если они будут держаться вместе.

Им посчастливилось сбежать от бесчинств желтых повязок в Шии, и в тот день им невероятно повезло, что среди них оказался некто по имени Го Цзя; в противном случае участь этой группы людей ничем бы не отличалась от участи их земляков, погибших в Шии.

И хотя на протяжении всего пути Го Цзя доставлял им немало хлопот, все они проявили удивительное молчаливое согласие, и ни у кого даже мысли не возникло бросить его.

Сюй Лу же относился к Го Цзя исключительно хорошо, услужливо заботясь о нем во всем.

— Господин, отец с остальными сварили немного кажи. Не желаете ли вы тоже отхлебнуть? Я заметил, что вы за всю дорогу почти ничего не ели. — Сюй Лу подошел с пиалой жидкой каши, от которой всё еще поднимался горячий пар — она была приготовлена только что.

Го Цзя всю дорогу трясся в повозке и толком не ел, а его желудок отчаянно и мучительно спазмировал, так что о еде он и думать не мог. Сейчас же, когда наконец выдалась спокойная минута, накатила усталость: — Я не хочу есть, выпей сам.

Сюй Лу в этом году исполнилось тринадцать. Лицом он походил на отца: круглолицый, с большими глазами, крепко сложенный, полный сил и энергии. Разве мог он сравниться с Го Цзя, который хоть и был на три года старше, но выглядел тощим, костлявым и болезненным?

— Эй, как же это не хотеть есть? Господин, у меня есть еще, а если и этого не хватит, осталась сухая лепешка. Отец говорит, что у вас слабое здоровье, а лепешка та слишком твердая и холодная, боюсь, не придется вам по вкусу.

Видя его упрямство, Го Цзя все же взял пиалу и сделал несколько медленных глотков: — А тебе она по вкусу?

Сюй Лу ударил себя в грудь: — Я здоров как бык, для меня даже камень разжевать и проглотить — не проблема.

Го Цзя невольно усмехнулся, и его персиковые глаза на миг словно омылись осенней водой. Губы влажно блестели от каши, а белизна лица под отблесками пламени костра неожиданно приобрела мягкий, теплый оттенок.

Эта его улыбка так очаровала Сюй Лу, что тот отупело произнес: — Господин, вы и правда очень красивы. Даже красивее нашей соседки, Мо'эр.

Го Цзя спросил: — Кто это?

— Она...

Слова Сюй Лу не успели оборваться, как снаружи усадьбы внезапно раздались воинственные крики, и в тот же миг внутрь ворвался хаотичный топот конских копыт.

<http://bllate.org/book/19191/1884798>